
[Электронный ресурс]. – Режим доступа:
www.utoronto.ca/tsq/39_penskaya.pdf.

Салиас де Турнемир Е.В. (Евгения Тур). Фрагмент воспоминаний о детстве и юности / Публ. Елены Пенской / Е.В. Салиас де Турнемир [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
www.utoronto.ca/tsq/39_penskaya.pdf.

И.Е. Лоцилов¹

*Новосибирский государственный педагогический
университет*

ИЗ ЗАМЕТОК О ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ 1920-х ГОДОВ: ДВЕ ГИПОТЕЗЫ

В статье выдвинуты две гипотезы, касающиеся частных вопросов, связанных с заметными литературными явлениями 1920-х годов. Первая часть посвящена толкованию одной реплики из романа Юрия Олеши «Зависть» (1927). Герой романа задает другому нелепый и неожиданный вопрос – любит ли он маслины? В качестве источника, проясняющего смысл вопроса, предложена вступительная статья известного теоретика, практика и историка театра Николая Евреинова, предпосланная книге статей поэта, критика и издателя Александра Беленсона «Искусственная жизнь» (1921). Вторая гипотеза связана с судьбой литератора, известность которого носит более локальный характер, – омского писателя и скандалиста Антона Сорокина, еще в 1915 году прославившегося мистифицированным самоубийством в знак протеста против войны. Никогда прежде не покидавший Омска писатель поехал в марте 1928 года в сопровождении жены лечиться от туберкулеза в Крым, но не был принят в ялтинский санаторий как неизлечимый больной и скончался на обратном пути в Сибирь, в Москве. Все хлопоты, связанные с похоронами Сорокина взял на себя его давний знакомый и бывший ученик Всеволод Иванов. Ему же

¹ Лоцилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и теории литературы ФГБОУ ВПО НГПУ Институт филологии, массовой информации и психологии (Новосибирск)

принадлежит единственное мемуарное свидетельство о погребении писателя на Ваганьковском кладбище. Проводить сибирского писателя в последний путь пришли немногие, и среди них – не названный Ивановым по имени библиограф. Представляется возможным, что это был автор пионерских трудов по истории отечественной библиографии Николай Здобнов.

Ключевые слова: советская литература, Юрий Олеся, Николай Евреинов, Александр Беленсон, Антон Сорокин, Всеволод Иванов, Николай Здобнов, цитата, реминисценция, сибирская литература, история библиографии.

I.E. Loshchilov
Novosibirsk State Pedagogical University

NOTES ON LITERATURE AND LITERARY LIFE OF 1920S TWO HIPOTHESES

The paper puts forward two hypotheses on particular issues associated with prominent literary phenomena of the 1920s. Its first part is devoted to the interpretation of a remark from a novel “Envy” (1927) by Yury Olesha. The hero of the novel asks another one an absurd and unexpected question – whether he likes olives? The text clarifying the meaning of the question is supposedly the introductory article by a famous scholar and expert in the history of theatre Nicholas Evreinov, prefacing the book “Artificial Life” (1921) by a poet, critic and publisher Alexander Belenson. The other hypothesis is related to the fate of a writer, whose popularity is rather local – a writer and rowdy Anton Sorokin from Omsk, who became famous in 1915 due to his mystified suicide in protest against the war. Never before having left Omsk, in March 1928, the writer accompanied by his wife went to the Crimea to be treated for tuberculosis, but was not accepted at the Yalta resort being terminally ill, and died in Moscow on his way back to Siberia. All the burden of Sorokin’s funeral was assumed by his old friend and former pupil Vsevolod Ivanov. His is also the only evidence of the writer’s burial in Vagankovo Cemetery.

The Siberian writer’s funeral was not attended by many – one of the few who came was a bibliographer not named by Ivanov. It seems quite possible that this person was Nicholas Zdobnov – the author of pioneering works on the history of Russian bibliography.

Keywords: Soviet literature, Yury Olesha, Nicolas Evreinov, Alexander Belenson, Anton Sorokin, Vsevolod Ivanov, Nikolai Zdobnov, a quotation, reminiscence, Siberian literature, the history of bibliography.

1. Почему Кавалеров любит маслины?

Читатель «Зависти» помнит два примера «неделовых» вопросов, задаваемых Андреем Бабичевым Николаю Кавалерову: «– Кто такая Иокаста? – спросил он меня однажды ни с того ни с сего. Из него выскакивают (особенно по вечерам) необычайные по неожиданности вопросы. <...>

– Вы любите маслины? – спрашивает он.

“Да, я знаю, кто такая Иока<с>та!² Да, я люблю маслины, но я не хочу отвечать на дурацкие вопросы. Я не считаю себя глупее вас”. Так бы следовало ответить ему. Но у меня не хватает смелости. Он давит меня» [Олеша, 1927, с. 70].

«Кодирующая» роль первого из вопросов не вызывает сомнений: если во внутреннем плане «Зависти» он добавляет некоторый штрих к психологической (или квази-психологической) характеристике персонажей, то для читателя – это ключ к мифологической интерпретации текста в целом.

Имя злополучной матери-жены фиванского царя отсылает к мифу об Эдипе, и, что представляется более существенным, к фрейдистской антропологии и психоанализу, популярность которого в стране Советов приходится на первую половину 1920-х гг. Ко времени публикации «Зависти» она была «на излете», хоть и жила в активной памяти читателей.

Проекция сюжета об Эдипе на роман Олеша имеют давнюю традицию, и могут быть достаточно продуктивными и остроумными. Автор одной из недавних публикаций, специально посвященной функциям имени Иокасты в романе, прежде чем, перейти к интерпретации, задает резонный вопрос: «Почему именно Иокаста, а не Федра, Клитемнестра или даже какой-нибудь мужской образ из греческой мифологии?» – И дает убедительный ответ: «Иокаста отсылает нас к мифу об Эдипе, который в контексте романа Олеша раскрывается в соответствии с культурным смыслом, заданным началом XX века» [Ушакова, 2012, с. 256].

² Во втором случае в журнальной публикации романа мифологическое имя было искажено опечаткой: Иоката.

Труднее сказать что-то определенное о функциональности второго из бабичевских вопросов – о любви к маслинам.

Можно ограничиться указанием на то, что этот вопрос более естествен в устах советского пищевода и «колбасника». Своей (кажущейся?) незначительностью, погруженностью в сферу еды, и, таким образом, быта («нового быта»), он оттеняет важность первого из вопросов. Можно указать на некоторые достаточно смутные смысловые ореолы, связанные с маслинами. Они нехарактерны для русской кухни и русского рациона, но органически вписаны в культуру и быт Южной Европы, ассоциативно легко связываются и с тем же древнегреческим, и с новозаветным мирами (Масличная гора).

Но этих указаний, кажется, недостаточно. Итак: почему именно маслины, почему не ананасы, не морковь или не какой-нибудь из сортов колбасы?

Первая из гипотез состоит в том, что вопрос о маслинах представляет собой литературную реминисценцию – еще более конкретную (собственно, цитату), но и значительно более специфическую, «трудноопознаваемую».

В 1921 году вышел сборник театральной и литературной критики Александра Беленсона³ «Искусственная жизнь». Предисловие, написанное Николаем Евреиновым, во-первых, прямо начиналось интересующим нас вопросом (Бабичев у Олеси воспроизводит его дословно); во-вторых, метафора «любовь к маслинам» – сквозная в статье Евреинова, она связывает маслины не только с критикой Беленсона, но и с вполне определенной культурной и жизненной позицией.

Приведем лишь начало и конец этого яркого текста:

«– Вы любите маслины?

– Так себе.

– Да или нет?

– Гм... пожалуй, впрочем, не очень.

Такого разговора быть не может.

Маслины или очень любят или вовсе не любят (так по крайней мере уверял меня мой гид в Афинах, этой родине маслин – *ελλαιον* [маслины – *древнегреч.* – И.Л.], малый наблюдательный и большой гурман).

³ См. о нем в энциклопедической статье «Беленсон (Бейленсон) Александр Эммануилович» Е. Яборовской и А. Пирогова [Русские, 1989, с. 205].

Об А. Э. Беленсоне можно сказать то же, что о маслинах – его или очень любят или вовсе не любят. Беленсон в искусстве это те же маслины в гастрономии.

– “С гнильцой” писатель, – отзываются об А. Э. некоторые, – что-то «разлагающее» на кончике его пера; неприятен!

Это конечно несерьезный аргумент! – Марк Аврелий, помнится, любил вишни, немного подгнившие, предпочитая их только что сорванным. “Разлагающее” же начало на кончике пера писателя – это, пожалуй, даже очень уместно для критика–аналитика, специальность которого – разлагать произведения искусства на составные части. <...>

– “Искусство лишь одна из форм преувеличения”, – сказал Оскар Уайльд.

– С вами не сговоришься!

– Это потому, что я люблю маслины, а вы нет.

Как, в самом деле, определить тому, кто любит маслины, за что он их любит? Это так же невозможно, как невозможно для того, кто не любит маслины, определить, за что он их не любит. <...> [Еврейнов, 1921, с. 9–10].

«Маслины самодовлеют в своем вкусе. Питать (“науки юношей питают, отраду старцам подают”) не назначение маслин. За литературной трапезой нашей культуры Беленсон – не ростбиф, не уха, не каша, не фазан и не пломбир!.. Другими словами – это не Белинский, не Чернышевский, не Толстой, не Достоевский и не Уайльд!.. Беленсон это маслины. Это закуска. И, если вы мне скажете: “Обойдемся и без закусок! не до жиру, быть бы живу”, или: “К чорту маслины, есть и повкусней закуски!” – я вам отвечу, что в Испании, где в самом деле понимают толк в вине и женщинах, где ценят огненную пляску выше сытного обеда, где сразу разбираются в вопросах чести и умеют фехтовать, как нигде в мире, где платят дорого за такие “ненужности”, как тонкие кружева или за такие “жестокости”, как толедский клинок, где очень вежливы в жизни и зло-насмешливы в сарсуэллах, представляющих “la ueda de la existencia” (Верно: «La ueda de la existencia» – колесо бытия, *испанск.* – И.Л.), – там, в далекой-далекой от нас Испании не сядут за трапезу (ни бедняк, ни богач!) если нет на столе маслин, аппетитных маслин, обостряющих вкус, вызывающих жажду вина, очищающих и язык, и нёбо для свежих впечатлений, – соленых, терпких, бархатистых.

Но как – вот “проклятый вопрос” – объяснить тому, кто не любит маслин, чем в сущности своей, они достойны нашей приязни?

Но как – вот “проклятый вопрос” – объяснить тому, кто не любит Беленсона, чем, в сущности своей, он достоин приязни?

Ах, уж эти “проклятые вопросы”! И чего они так тревожат меня! Ведь все равно мне не дано разрешить их. Так чего же, спрашивается, я даром волнуюсь!» [Евреинов, 1921, с. 16–17].

Если эта гипотеза верна, наблюдения исследователей, касающиеся театрального начала в прозе Олеси (см., например: [Жиличева, 2013, с. 140–143]), могут наполниться более конкретным содержанием: связью с театральными концепциями Евреинова. Может быть, в круг источников художественного мира Олеси следует ввести сочинения Беленсона, год спустя после выхода «Зависти» выпустившего – под псевдонимом, восходящим к имени героя неоконченной лермонтовской повести «Штосс»: *Александр Лугин* – книгу прозы, в названии которой слышна переключка с проблематикой романа Олеси: «Джиадэ, или *Трагические похождения индивидуалиста*» [Лугин, 1928] (курсив мой. – И. Л.). Партийный критик писал: «К группе буржуазной литературы следует отнести и другое явление истекшего года – “роман ни о чем” Александра Лугина “Джиадэ”. <...> Пропитанный мистицизмом, мистической эротикой и, вместе с тем, довольно примитивным цинизмом, роман этот – кстати, далекий от талантливости – объективно рисуется как бы одним из проявлений тех переговоров, которые ведутся между остатками старой и новой буржуазии: а не слиться ли нам, не составить ли некий психоидеологический сплав из остатков разбитых жизнью мировоззрений и ублюдочных зародышей “новых” представлений о действительности?» [Ермилов, 1929, с. 55–56].

II. Кто провожал в последний путь Антона Сорокина?

В методологически важной, но, к сожалению, незамеченной исследователями жизни и творчества омского писателя Антона Сорокина статье О.М. Гончаровой говорится: «Все пишущие о нем в основном пересказывают “чужачества” и “шалости” писателя (эти рассказы кочуют из книги в книгу, вариативны по структуре и содержанию, что заставляет предполагать существование устойчивого претекста-инварианта, автором которого был, несомненно, сам Сорокин) и попадают в сферу бытования мифа, видимо, не подозревая особой “мистифицирующей” природы “сорокинского” текста, невольно втягиваясь в “игру”, придуманную много лет назад» [Гончарова, 2001, с. 249].

Одной из первых и самых эффектных мистификаций писателя стала его мнимая смерть в 1915 году.

В очерке «Почему Антон Сорокин покончил жизнь самоубийством» писатель говорит о себе в третьем лице: «В 1915 году в “Огоньке” и других журналах появился портрет Антона Сорокина с надписью “Покончил жизнь самоубийством в Гамбурге”». В результате этого было то, что издательства начали присылать требования на посмертные рассказы Антона Сорокина. Группа сибирских писателей во главе с Александром Новоселовым объявила Антону Сорокину бойкот. После того, как выяснилось, что Антон Сорокин жив, требования на рассказы усилились. <...> Для многих является загадкой, почему Антон Сорокин поместил свой портрет с надписью о самоубийстве. Сделано это было вот почему. Недовольный жизнью Антон Сорокин решил покончить жизнь самоубийством и уже держал револьвер, уже писал последнее письмо и вдруг мелькнула мысль: не доволен жизнью, значит, жизнь не имеет смысла, или же ты сам плох для жизни, тогда переродись, сделайся другим, и Антон Сорокин покончил с прежним, убил все прошлое и захотел стать новым» [Сорокин, 2011, с. 29-30].

Действительно, 8 марта 1915 года в журнале «Огонек» была напечатана фотография писателя в траурной рамке с краткой подписью: «Антон Сорокин, сибирский драматург-беллетрист, окончивший жизнь самоубийством в Гамбурге» [Огонек, 1915, с. 16]. Неделию спустя «Синий журнал» посвятил писателю целую страницу. В неподписанной заметке «Памяти странного человека» сообщалось: «Мы получили от одного из членов семьи А. Сорокина сообщение о том, что покончил самоубийством сибирский беллетрист-драматург Антон Сорокин. Причины, побудившая А. Сорокина покончить жизнь самоубийством, высказаны в последнем письме, которое по цензурным условиям не может быть напечатано. <...>» [Синий, 1915, с. 11]. Там же были напечатаны рассказ Сорокина «Последний бакса Ижтар», фотографический портрет писателя и два «фотоэтюда»: «Книга ужаса» и «Любовь и смерть».

Евг. Венский писал, что «из “Огонька” тяпнули бесплатный материал и провинциальные “иллюстрации”» [Венский, 1915], однако других печатных сообщений о «гибели» сибирского писателя пока не выявлено.

В восприятии и памяти современников некрологические тексты и изложенные в них обстоятельства варьировались от раннего (август того же военного года) «...покончил самоубийством из

револьвера “Смит и Вессон” в гор. Кенигсберге от зверства немцев» [Венский, 1915]⁴ до позднейшего: «...в журнале был помещен портрет Антона Семеновича с кратким сообщением “о безвременной гибели известного сибирского писателя, который, залобовавшись закатом, упал за борт океанского парохода, следовавшего в Северную Америку”. Антон Семенович от души хохотал над этим нелепым сообщением» [Дружинин, 1958, с. 92].

Отголоски давнего скандала Сорокин умело обыгрывал в 1920-х на «диспутах о путях будущего искусства»: «...Из дальнего угла зала раздался ехидный голосок:

– Уважаемый Антон Семенович, если мне не изменяет память, летом 1913 года в “Синем журнале” было напечатано сообщение о том, что в Омске преждевременно ушел из жизни талантливый писатель и художник Антон Сорокин, к сожалению, не признанный современниками. Это о вас, Антон Семенович?

– Обо мне!

– Позвольте, а как же вы теперь...

– А теперь я воскрес!

Зал ревел от удовольствия... Вопросающий – растворился» [Филиппов, 1966]⁵.

...Настоящей, не-игровой смерти писателя, наступившей 24 марта 1928 года в Москве, предшествовали мучительная болезнь, коммунальная склока и пожар в квартире писателя, получившие отражение в сибирской прессе [см.: Девятьярова, 1999, с. 25–26, 35].

⁴ Сорокин хранил вырезанный и приклеенный в тетрадь фельетон сатириконца Евгения Венского (Евгений Осипович Пяткин; 1884/1885 – 1943) из «Журнала журналов» (Государственный исторический архив Омской области. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 307. Л. 44). Новосибирскому историку литературы Н.Н. Яновскому, собиравшему материалы о Сорокине, о нем напомнил в письме от 9 ноября 1962 г. А.П. Квятковский: «Кстати: у меня сохранилась в “Журнале журналов” 1915 г., № 19 статья Евг. Венского об Антоне Сорокине» (Государственный архив Новосибирской области. Ф. 272. Оп. 1. Д. 52. Л. 43).

⁵ Цитирую по газетной вырезке из материалов, собранных биографом Сорокина Е.Г. Раппопортом (1934 – 1977); ныне хранится в личном архиве его брата, А.Г. Раппопорта (Новосибирск). Пользуясь случаем, выражаю А.Г. Раппопорту признательность за предоставление редких материалов. Номер выпуска иркутской газеты и номер страницы, к сожалению, неизвестны.

Погребение довелось организовывать Всеволоду Иванову, в прошлом – ученику Сорокина. Очерк Иванова о Сорокине, одно из последних сочинений писателя, был опубликован после его смерти [Иванов, 1964].

Иванову принадлежит единственное известное свидетельство об обстоятельствах смерти и похоронах писателя, единственный – и последний – раз в жизни оказавшегося в Москве: «...однажды, когда я собирался на собрание в Правление издательства “Круг”, где должны были разбираться вопросы, которые казались мне тогда страшно важными, раздался телефонный звонок. Женский голос сказал мне:

– Это говорит жена Антона Сорокина. Антон Семенович сильно захворал, и врачи нашли единственный способ спасти ему жизнь – отправить его в Крым. Мне стоило больших трудов уговорить его поехать туда. Когда он приехал в Ялту, санаторий, в который его направили, отказался его принять, так как у него была третья стадия туберкулеза, а при третьей стадии в этот санаторий не принимают. Я не имела возможности и средств хлопотать о переводе Антона Семеновича в другой санаторий, и мы решили, вернее сказать, он настоял, чтобы мы вернулись в Москву и чтобы вы похоронили его здесь. Он просит у вас за все, что сделал вам нехорошего, – прощения. Сейчас он лежит в приемном покое при вокзале. Больных много, положить его некуда, и он лежит на полу. Помогите ему.

Разумеется, я ни капли не поверил, что Антон Сорокин находится при смерти. Я позвонил в “Известия”, которые в то время редактировал Г. Устинов, человек, имевший отношение к писательству, сам писатель и друг Есенина. Человек этот охотно пошел мне навстречу, выхлопотал место в хорошей больнице, куда сразу же перевезли Антона Сорокина, а я решил навестить своего старого приятеля после того, как кончится заседание “Круга”.

В середине заседания меня вызвали к телефону.

– Говорят из больницы. Здесь по вашей просьбе помещен больной Антон Сорокин. Он только что скончался.

Я написал некролог об Антоне Сорокине и напечатал его в “Известиях”. “Приглашаем земляков отдать последний долг замечательному сибирскому писателю”. На похороны, кроме жены Сорокина, меня, пришло только два земляка – писатель Ф. Березовский и библиотекарь из Ленинской библиотеки, занимавшийся библиографией Сибири» [Иванов, 1964, с. 21; то же: Иванов, 1978, с. 295].

Упомянутый некролог был напечатан без подписи Иванова в центральной газете, вероятно, также при содействии сотрудника «Известий», писателя и журналиста Георгия Феофановича Устинова (1888 – 1932). Заголовком служили имя и фамилия писателя в траурной рамке: «24 марта, в больнице им. Остроухова⁶ умер известный сибирский писатель Антон Сорокин.

Антон Сорокин был болен туберкулезом третьей стадии. Омские врачи направили его для лечения в Крым, крымский санаторий, однако, не принял больного, так как в Крыму, как известно, третьей стадии туберкулеза не лечат. А. Сорокин вынужден был вернуться. По возвращении в Москву он почувствовал резкое ухудшение и через два часа после приезда умер.

Похороны т. Сорокина состоятся сегодня, в 5 ч. вечера, на Ваганьковском кладбище» [Известия 1928, с. 5].

Гипотеза состоит в том, что безымянным «библиотекарем», упомянутым среди немногих пришедших проводить Сорокина, был выдающийся библиограф, историк библиографии и краевед Николай Васильевич Здобнов (1888 – 1942), уроженец города Шадринска.

Здобнов жил в Москве с 1922 года, и, не будучи сотрудником Публичной Библиотеки им. Ленина, трудился в ее залах над сбором материалов по сибирской библиографии. Обосновывая невольные библиографические лакуны, Здобнов писал в предисловии к «Материалам для сибирского словаря писателей»: «Некоторых из названных изданий нет в московских книгохранилищах, а другими чрезвычайно трудно пользоваться, вследствие слабой постановки дела в быв. Румянцевской, ныне Всесоюзной Публичной Библиотеке имени Ленина, которая совершенно не приспособлена для серьезных библиографических занятий. При таких условиях, конечно, пропуски неизбежны» [Здобнов, 1927, с. 7]⁷.

⁶ Верно: *Остроумова*. Алексей Александрович Остроумов (1844 – 1908) – известный русский врач-терапевт, физиолог. – И.Л.

⁷ О Сорокине говорится не только в алфавитной части этого издания [Здобнов, 1927, с. 48], но и в предисловии [там же, с. 6–7] – в частности, о рассказе, подписанном «чеховским» псевдонимом: *Константин Треплев*. Чукча Коплянто Анадырский [Сибирские, 1916, с. 51–54]. Рассказ Сорокина представлял собой переработку очерка В.Г. Тан-Богораз «Коплянто застрелился», напечатанного в «Биржевых ведомостях» (1916. № 15553, 12 мая). Протест автора спровоцировал очередной скандал вокруг имени Сорокина. См.: *Тан (Богораз) В.* Сибирский трафарет [Журнал, 1916, с. 3]. Благодарю А.А.

Итак, если высказанное предположение верно, 27 марта 1928 года в последний путь «Короля сибирских писателей» проводили: его вдова, Валентина Михайловна Сорокина (урожд. Цикарева), писатели-сибиряки Всеволод Вячеславович Иванов, Феоктист Алексеевич Березовский⁸, – и классик библиографической науки Николай Васильевич Здобнов.

Возможно, Иванов не назвал его фамилии из-за отмеченных в примечаниях к собранию сочинений «смещений временных представлений», несколько раз встречающихся в позднем очерке о Сорокине [Иванов, 1978, с. 721]; возможно – помня об эсерском и антибольшевистском прошлом Здобнова, неоднократно подвергавшегося арестам, как при Колчаке, так и при советской власти, и погибшим в лагере 1942 году...

В беллетризованной биографии Сорокина упомянутая у Всеволода Иванова фигура трансформировалась в образ «старичка-библиографа из Ленинки, прикрепленного к литературе Сибири» [Косенко, 1973, с. 152]. Видимо, абберрация связана с ассоциативными ореолами, витающими вокруг труда библиографа: нетрудно посчитать, что в 1928 году Здобнову было 40 лет.

Автор выражает признательность заведующему Отделом истории библиотечного дела Российской национальной библиотеки А.Н. Антоненко, в электронной переписке с которым оформилась вторая из предлагаемых здесь гипотез.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Россомахина (СПб.) за помощь в поисках этих сведений.

⁸ В фонде Ф.А. Березовского хранится несколько самодельных машинописных брошюр Сорокина (Российский государственный архив литературы и искусство [Москва]. Ф. 1785. Оп. 2. Ед. хр. 101–103). На обороте обложки одной из них («Зеленые глаза Сибири») – характерная надпись карандашом (Ед. хр. 103. Л. 2 [об.]; без даты): «Всеволоду Иванову дал дорогу Максим Горький. Если у Феоктиста Березовского будет желание на смену Пильняку Иванову и Сейфуллиной выдвинуть Антона Сорокина то сомнения что он не оправдает доверия могут быть напрасными потому что Антон Сорокин сохранил еще то, что потеряли писатели попутчики, веру в силу человеческого коллектива. Антон Сорокин». *Сохранена авторская пунктуация.* – И.Л.

Венский, Е. Наши, тетюшкие / Е. Венский // Журнал журналов. – 1915. – № 19. – 26 авг. – С. 22.

Гончарова, О.М. «Игра» в жизни и творчестве Антона Сорокина / О.М. Гончарова // Культура и текст. Славянский мир: прошлое и современность / под ред. Г.П. Козубовской. Сб. научн. трудов. – Барнаул: Издательство БГПУ, 2001. – С. 249–259.

Девятьярова, И.Г. Дом писателя Антона Сорокина / И.Г. Девятьярова. – Омск: Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, 1999 (Сер. «Культура, искусство, история города Омска в памятниках и исследованиях»).

Дружинин, Г.Ф. Огонь тех лет... (Из литературных воспоминаний) / Г.Ф. Дружинин // Советский Казахстан. – 1958. – № 5. – С. 90–95.

Евреинов, Н. Недоказуемое // Беленсон А. Искусственная жизнь / вступ. статья Н.Н. Евреинова; обложка и 13 рисунков Юрия Анненкова; марка Давида Бурлюка. – Пб.: [Стрелец], 1921. – С. 9–17.

Ермилов, В.В. Буржуазная и попутническая литература / В.В. Ермилов // Ежегодник литературы и искусства на 1929 год. – М.: Издательство Комакадемии, 1929. – С. 3–81.

Жиличева, Г.А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (На материале русской прозы 1920–1930-х гг.) / Г.А. Жиличева. – Новосибирск, НГПУ, 2013. – 317 с.

Журнал журналов. – 1916. – № 45.

Здобнов, Н.В. Материалы для сибирского словаря писателей (Предварительный список поэтов, драматургов, беллетристов и критиков) / Н.В. Добнов. – М.: Приложение к журналу «Северная Азия», 1927.

Иванов, Вс. Портреты моих друзей: Антон Сорокин / Вс. Иванов // Огонек. – 1964. – № 10. – С. 18–21.

Иванов, Вс.В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8 / Иванов Вс. В. – М.: Художественная литература, 1978. – 783 с.

Известия. – 1928. – № 73 (3307), 27 марта, вт.

Косенко, П.П. Свеча Дон-Кихота. Повести-биографии и литературные портреты / П.П. Косенко. – Алма-Ата: Жазушы, 1973. – 208 с.

Лугин, А. Джадэ, или Трагические похождения индивидуалиста. (Роман ни о чем) / А. Лугин [Беленсон А.Э.]. – М.: Федерация; Артель писателей «Круг», 1928. – 255 с.

Огонек. – 1915. – № 10, 8 (21) марта.

Олеша, Ю.К. Зависть [Оконч. в Кн. VIII] / Ю.К. Олеша // Красная Новь. – 1927. – Кн. VII. – С. 64–101.

Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. Т. 1. А – Г. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 673 с.

Синий журнал. – 1915. – № 11, 14 марта.

Сорокин, А.С. Тридцать три скандала Колчаку / А.С. Лоцилов / сост., прим. и предисл. И.Е. Лоцилова, А.Г. Раппопорта. – СПб.: Красный матрос, 2011. – 148 с.

Ушакова, А.Н. Образ Иокасты в контексте романа Ю.К. Олеши «Зависть» / А.Н. Ушакова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. – 2012. – № 1 (2). – С. 256–258.

Сибирские записки. – 1916. – № 3. – Красноярск.

Филиппов, С.В. О Сорокине-художнике: Воспоминаниями делится читатель / С.В. Филиппов // Советская молодежь. – 1966. – 27 дек. – Иркутск.